

A young woman with long, wavy brown hair and blue eyes is the central figure. She wears a golden crown and a white apron with small dark spots over a brown long-sleeved top. She holds a wooden basket filled with red tomatoes. The background is a rustic wooden interior with a staircase on the left where a tabby cat sits. An owl is perched on a branch above her. The scene is lit with warm, golden light, and there are more tomatoes hanging from a vine on the right.

ДАНИЭЛЬ
БРЭЙН

УБИТЬСЯ
ВЕНИКОМ,
ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Где наша не попадала! Фэнтези о попаданках

Даниэль Брэйи

**Убится веником,
ваше высочество!**

«Автор»

2026

Брэйи Д.

Убится веником, ваше высочество! / Д. Брэйи — «Автор»,
2026 — (Где наша не попадала! Фэнтези о попаданках)

Из медийного лица, известного всей стране — в замарашку, у которой лишь одно преимущество: она похожа на наследницу трона. Принцессами не разбрасываются, и это я вместо нее отправлюсь в страну, где правит чудовище. Говорят, чудовище — это принц. Говорят, он безумно богат. А еще говорят, что принцессы не выживают — утверждают, будто чудовище их ест... байки, но пленниц монстра больше никто не видел. Попробовать раскрыть эту тайну — лучше, чем всю жизнь за гроши прислуживать в паршивом трактире. Еще лучше нести просвещение и прогресс... если получится. Жизнеутверждающая бытовая и детективная сказка про средневековье. Условия жизни — сущий ад, но соответствуют реалиям, а попаданка — традиционно зрелая и циничная и при этом полная позитива — разбирается и убирается.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Даниэль Брэйи

Убится веником, ваше высочество!

Глава 1

Первый раз в жизни я кричала на человека, не видя его лица. Причем мы находились нос к носу, а крик был вызван не конфликтом.

– У нас нет мест! – нетерпеливо проорал мужчина в два сантиметра между приспущенным стеклом и уплотнителем, и я его прекрасно понимала. Я заставила его выйти под проливной дождь – сама-то я сидела в машине. – Но я могу запустить вас во двор. Устроит?

– Да, конечно, спасибо! – с облегчением завопила я в ответ и поспешно ткнула кнопку электростеклоподъемника. Пусть машина не моя... через щель залилась куча воды, и чистки и трат не избежать. Но неважно.

Мой спаситель в брезентовом плаще до пят пошел открывать ворота. Ливень был такой, что я моментом потеряла его из виду – ворота тоже, но я стояла прямо перед ними и врезаться в стену никак не могла. Спасибо, приятель, я заночую в машине, ехать в такую погоду нельзя, не написав завещание.

Мужчина вернулся, стукнул в стекло, махнул рукой, наклонился, всмотрелся в меня, а я в него. Здесь, далеко от хоженных мест, люди другие – хозяину, а может, администратору придорожной гостинички я дала бы лет шестьдесят пять, но хорошие, крепкие шестьдесят пять, таким шестидесяти пяти можно завидовать, когда тебе самой на пятнадцать лет меньше. Он отступил, несколько удивленный тем, что увидел в салоне, я от досады закусила губу. Ладно, сейчас разберемся.

Противотуманные фары освещали выложенную камнями дорожку сантиметров на тридцать вперед, но этого мне хватило. Я поставила машину на ручник, выключила противотуманки, оставив габаритные огни, и уже собралась откинуть спинку сиденья и поспать, как мужчина постучал в окно снова. Я приспустила стекло.

– Знаете... я, кажется, смогу найти для вас место, – прокричал он немного заискивающе. Черт. – Откройте багажник, я возьму ваши вещи, переоденетесь, вы же сейчас вся промокнете.

Я кивнула и сделала, что он просил. Что-то придумая, ночевать в постели, какой бы она ни была, лучше.

Шаг на улицу, и меня смыло. Ливень стал еще сильнее, вдали прогрехотало, мой спаситель что-то крикнул – но нет, чтобы разобрать его слова, приходилось напрягаться не на шутку, – я натянула капюшон куртки на глаза, пискнула ключом и прыжками по лужам кинулась туда, где расплывчатыми бледными пятнами светили окна мотеля.

Я прошла в гостиницу первая. Место не из тех, к которым я привыкла за последние несколько лет, да и вообще привыкла, но что делать? Испытывать благодарность. Хозяину и так придется извернуться, чтобы не нарушить какие-то правила и устроить меня на ночлег, а здесь сухо, тепло, очень чисто, хотя и скромно до невозможности, но какое дело здравомыслящему человеку до роскоши и понтов?

Мужчина прошел в дверь вместе с моим чемоданом, поставил его, обстоятельно отряхнул плащ, повесил на вешалку и улыбнулся. Я тоже улыбнулась – виновато, потому что воды с меня успело натечь.

– У меня тут все забито грибниками и туристами, – он смущенно почесал бровь, проигнорировав лужу подо мной, – и так расселил по пятеро в номере... Но пустует комната отдыха администратора. А у горничных есть диванчик. Денег я с вас за это, конечно, не возьму.

Вот это «конечно» мне не понравилось. Ну еще бы. Или я ошибалась?

– Там сможете просушить вещи, есть где. Пойдем? – предложил он. – У горничных поудобнее, если вас не смутит запах. Все-таки их одежда пахнет химией, да и в шкафах всякое стоит...

– У меня нет аллергии, не смутит.

– Ну вот и отлично. – Он перехватил чемодан, открыл передо мной дверь на лестницу. – Хорошо, что вы до нас добрались. Такая погода! Давно не было подобных бурь.

Горы, пожалала я плечами. В общем, да, погода мне здорово плюнула в душу. Мне нужно было добраться до соседнего федерального центра, а самолеты, естественно, не летали – ни в аэропорту вылета, ни в аэропорту назначения. Сутки у меня еще были, выплусь и завтра снова в путь.

– Что там гремит? – спросила я, останавливаясь на ступеньках и прислушиваясь. – На грозу непохоже.

– Горы, – теперь плечами пожал он. Горы, не спорю, но мне не нравился этот звук. И не очень нравилось выражение лица моего сопровождающего. – В непогоду всегда так. Сюда. Кстати, я Андрей Игоревич.

Ах ты хитрый су...

– Тина, – представилась я. – Просто Тина. Не люблю официоз.

И обворожительно улыбнулась. Потому что действительно так – если официально, будьте добры обращаться ко мне «госпожа Маринова», никакого имени-отчества. Раздражает и напоминает о прошлом, которое не стоит с настоящим мешать.

Андрей Игоревич поскуцнел. Но мы уже стояли на пороге комнатки горничных, давать задний ход и отправлять меня обратно на улицу было поздно.

– Вы очень похожи на...

– Знаю, – кивнула я, пытаясь не взбеситься. – Что похожа. Даже погуглила, кто это такая. Если бы я зарабатывала столько, сколько она, сделала бы пластическую операцию. Возможно, это она должна делать, не я, но ведь ей платят в том числе за лицо, так что... я уступаю.

Андрей Игоревич шутку оценил и главное, что поверил.

– Извините, я правда очень устала. Вон диван, тут и лягу, не беспокойтесь. Спасибо вам и спокойной ночи.

– А... – начал было он, когда я закатила чемодан в комнатку.

– Мы даже не родственники, – помотала я головой и закрыла дверь. Снова грохот, но теперь некому было вызывать у меня подозрения тем, что ему причина известна, а мне – нет.

Даже если завтра он спросит мои документы – не страшно. Мартина Маринова – обычные имя и фамилия, данные мне отцом-болгарином, но в отечественном проекте не прижились. Я и не возражала – какая мне разница, там грим, имидж и деньги. Просто деньги. Пусть Андрей Игоревич запишет меня куда положено как положено и всем рассказывает, что «она так похожа на Марию Морскую, ну, знаете же ее».

Свет в комнатке горел неровно, не справлялась подстанция или генератор. Я открыла шкаф, вытащила подушку и плед, кинула на диван, из чемодана достала спортивный костюм и быстро переоделась. Потом развесила мокрую одежду на стойке для сушки, выключила на всякий пожарный случай все, что горело – и свет, и даже шнур телевизора выдернула из розетки, забралась на диванчик и свернулась комочком.

За окном творился апокалипсис и гремело все чаще и все сильнее. Если бы я не доехала до мотеля...

Что так беспокоило Андрея Игоревича и почему он промолчал? Не монстры же здесь, в конце концов. Или это связано с тем, кто я есть, а не с шумом?

В какой момент моя жизнь покатила по колее неожиданной популярности и больших денег? Сколько лет я уже так живу – мотаясь по стране, рассказывая людям о местах, событиях, других людях, живших пять веков назад?

Я же учитель обществознания. И любитель пошариться по местам, где еще не успели нагадить туристы. Я никогда не вела блог, не делилась ничем и ни с кем, кроме как своими историями со своими учениками. Сорок три года я прожила, видя маленькие аэропорты и горящие глаза замерших от восторга детей – да, еще мужа, но муж прошел незамеченным, как и брак... До тех пор, пока кто-то из проверяющих, а может, и какой-то родитель, не выложил в сеть видео моего урока.

Я не поверила звонку. Да ладно, смешно, только слишком рано. У меня всего семь утра и выходной, извините. Но это оказалась не шутка.

Крупнейший телеканал пригласил меня вести передачу для школьников – и в первое лето мы записали ее, как и хотели: простенькие маршруты с рассказами о местах согласно программе восьмого класса. Кто знал?

Кто знал, что через несколько месяцев эти записи выйдут на первые места по просмотрам и комментариям, потому что страна кинется познавать неизвестное и людям понадобится информация кроме рекламной и отзывов «был, все ок-норм» или «был, единица»? Я не знала, и режиссер передачи. На следующее лето мы записали аналогичные программы уже для взрослых, осенью мне предложили контракт на несколько лет – первый раз за всю историю современного отечественного телевидения познавательные передачи выбивали аудиторию даже у сериалов, уступая разве что спортивным трансляциям.

Меня узнавали. Работу в школе я оставила – деньги решают многое, если не все. И нравилось мне, что не только мои ученики влюбляются в скучные в общем-то для неувлеченных науки, которые скопом впили в один школьный предмет: социологию, философию, антропологию... Возрастной ценз передачи «6+», и дети смотрят, тоже смотрят...

Нет. Я утешала себя, все вранье, преподавать мне нравилось больше. Я с трудом отработала десять лет по диплому – юристом в городской консультации – и сбежала на профпереподготовку, а после в среднюю школу, от людей неискренних, капризных, застрявших в детстве сильнее, чем пятиклассники. Их алчность и лживость превращали меня в лютого зверя. А дети давали желание жить и ради них сворачивать горы.

И имя-отчество осталось для них, для детей... Как самое светлое. Но теперь я могла делать для них почти невозможное.

Грохнуло прямо над головой, и я вздрогнула. Я не успела толком пообщаться с родными и знакомыми, пришлось удирать на следующую локацию. Они говорили – я изменилась, стала жестче, да ерунда, люди в сорок девять уже не меняются, они не боятся быть собой. Поэтому да – новому интерактивному классу, и нет – невнятной помощи «людям в трудной жизненной ситуации». Дойти до ближайшего магазина и спросить, не требуются ли сотрудники, можно, если до этого неделю не пить. Да – оплате операции и реабилитации мальчишке-спортсмену, потому что за деньги это элементарно быстрее, и нет – ремонту старого здания дома культуры, потому что его сносить надо, а не ремонтировать, оно опасно.

Мне не нужно столько денег – мать умерла, когда я училась на первом курсе, отец – несколько лет назад, родственники проявили себя не настолько, чтобы я могла ради них чем-то жертвовать, своих детей у меня нет... Но есть другие, кому я могу помочь.

Я все-таки задремала. Несмотря на шум за окном, на грохот, который был все ближе и все сильнее. Я устала – четыреста километров по горным дорогам, по адской погоде, организм брал свое.

Я очнулась, когда поняла, что дом трясет.

Здесь не могло быть землетрясения – они бывали, но очень слабые. Эти горы устойчивы, бояться нечего. Тогда почему снизу крики? Обвал? Сель?..

Этот засранец Андрей Игоревич еще вечером обо всем догадался?.. И молчал, надеялся, что сель пройдет мимо?

Рухнуло все внезапно и сразу. Грязная ледяная вода способна убить моментально – температурный шок, камни и острые обломки, но я, как ни странно, не умерла. Я кружилась в водовороте, зажмурив глаза, сохраняя остатки воздуха в легких, не понимая, куда меня тащит, и что мне делать, чтобы выбраться. Спаситься от селя нереально – можно его избежать. Мне рассматривать варианты «что было бы если» уже не годилось.

Что-то сильно толкнуло меня в грудь, и я вдохнула. Больно и блаженно одновременно – освобождение от всего, пусть ни испугаться, ни отчаяться я не успела. Не дышать в эти несколько бесконечных секунд в воде было сложнее всего, и удивительно, но воздуха я глотнула. Меня в самый нужный момент выкинуло из потока?..

Похоже, да – или нет. Поток выплюнул меня и ушел. Я лежала ничком на чем-то до боли жестком, шум исчез, не было ни воды, ни холода, ни ветра. Меня даже не трясло после того, как я столько времени – сколько? – провела в селе, было несколько...

Необычно. Необычно, вот да. Я так просыпалась в незнакомых местах и не могла понять, где я, что я.

Я подняла голову и кашлянула. Ничего не болело – я не обольщалась, зная, как действует шок, и медленно села, ощупывая себя. Темно, я в каком-то здании, уцелевшем; как я сюда попала? Это уже неважно, и понятно, почему я не пострадала: плед, я запуталась в грубом гостиничном плеле. Ноги почему-то были босыми, хотя я точно ложилась в носках; я попыталась подняться и глупо отметила, что пора записаться на педикюр. Вокруг куча обломков и трухи, а мне даже не режет ступни.

Через щели впереди пробивался свет – уже утро? Я прищурилась, осторожно пошевелила руками, ногами, проверила еще раз возможные травмы. Ничего. Я счастливица, если такое пережила.

Я замерла по двум причинам. Первая – я услышала голоса, вторая – я провела рукой по бедру и запоздало не поверила собственным ощущениям. Да, мне могло повезти как никому в жизни, я могла пережить сель, но почему я...

– Сюда, давай сюда, – раздался быстрый громкий шепот. – Залезай, здесь никого нет. Лили, давай... скорее, скорее!

– Здесь тепло, – услышала я ответ девочки лет десяти-двенадцати, не старше.

...Почему я одета не в спортивный костюм? Почему я совершенно сухая?

– Только ти-хо! Марибель, ты как? Лили, пролезешь? Эрме?..

Я повернулась на голоса. Где-то открылась дверь или лазейка, потянуло воздухом и свежим дождем, какой редко можно почуять, разве лишь так далеко от цивилизации, куда редко кто заберется...

– Зажечь свечу?

– Осторожно! Чтобы нас не увидели! – Голос мужской, обеспокоенный и злой. Что происходит?

– Я помню! – упрямо отозвалась девочка, несколько раз что-то ударило, будто камень о камень, вспыхнула свеча, и мы с девочкой вскрикнули одновременно. Мы оказались лицом к лицу – этого просто не может быть, я и ребенок одного роста? Во мне метр семьдесят два! – Эрме!..

Девочка дернулась, споткнулась, выронила свечу. Гореть, кажется, нечему – один камень, и я наплевала на риск возгорания, подхватила девочку, чтобы она не упала, но она ловко вывернулась и отскочила.

– Что ты натворила? – услышала я злой мужской шепот, меня схватили за руку и больно заломили ее назад, и еще – вцепились в волосы. Волосы?.. У меня «пикси», за что там хватать? – Молчи, или я убью тебя, поняла?

Я слотнула. Кто бы это ни был, я против них бессильна и оказать сопротивление не могу. Только попробовать убедить их, что я не опасна.

– Д-да, – всхлипнула я весьма натурально. – Отпусти... те. Мне больно.

– Будешь орать?

Я помотала головой, и хватка ослабла, но не пропала. Свечу подобрали, зажгли снова, и я увидела троих незваных гостей: две девочки – лет десяти и пятнадцати-шестнадцати, и парень лет восемнадцати: он стоял, прикрывая собой девчонок, второй... а второй все еще торчал за моей спиной. Одеты они были как привычные ролевики, изможденные – подростки и молодежь, бывает, чуют с питанием, но пугающей была не худоба. На них надеты ошейники – настоящие, и даже в свете слабенького огня я различила, что это не грим. Или рубцы выглядят так естественно, что тому, кто их нанес, стоит немедленно выслать портфолио в Голливуд.

Так не бывает.

– Кто ты такая? – спросил парень за моей спиной.

Кто я? Ну, я человек. Что я скажу? У меня в спортивном костюме – каком костюме, где мой костюм? – пустые карманы, он из стирки, а если эти четверо обо мне что-то слышали и чем-то обозлены, то могут убить потому, что я ничего не смогу им дать.

Меня, впрочем, опередили.

– Какая разница, кто она, важно, кто мы! Если мы оставим ее в живых, она нас выдаст!

И я обреченно увидела в руках стоящего передо мной парня сверкнувший нож.

Глава 2

– Стой, Жано!

Старшая девочка испуганно вскинула худые руки в цыпках, а я побоялась надеяться. Я только что один раз умерла, ведь иначе не объяснить, как я совершенно сухая, одетая черт знает во что, лежала на полу в странном доме – странном, потому что здесь должны быть следы селя, но их нет.

И эти четверо слегка вымокли, но не так, как должны бы под ливнем. Дождь прошел, да, но несильный.

Не отбирайте у меня эту новую жизнь, что вам стоит?

– Она же ничего не расскажет? – сдавленно продолжала девочка, убеждая то ли себя, то ли своих товарищей.

Я помогала головой. Неприятное ощущение, и ничего не поделать. Их четверо – ладно, двое, но двое парней намного сильнее и крепче меня, и драпать мне некуда. Когда мы уезжали на съемки, нам повторяли: будет опасность – любая, где угодно, какая угодно, уходите, не связывайтесь. Правда, бывало, что туристы и походники натыкались на беглых заключенных, и тогда...

Это преступники? Боже, они же дети.

– Я ничего не скажу. Я... – пообещать что угодно. Еды? Воды? А есть ли и то, и другое? Есть ли вода и еда у меня? – Я вас не выдам.

Жано подумал и спрятал нож.

– Когда меняется стража? – спросил он отрывисто.

Я дернула плечом. Прости, брат, но я знаю обо всем куда меньше, чем ты можешь представить.

– Нам нужно пройти в... – начал парень, стоявший за мной, и на него зашикали все разом.

– Ты с ума сошел? Зачем ты ей это говоришь? – прошипела старшая девочка.

– Вы думаете, она совсем дурочка? – с невеселым смешком отозвался мой страж. – Она не знает, куда бегут рабы из Бежатоны? Кто этого не знает, Лили?

Рабы?.. Я всмотрелась в их ошейники. Как им удалось бежать? Впрочем, какое мне дело, моя задача самой уцелеть, потому что этим ребятам терять нечего. И я не уверена, что могу им помочь, что-то сделать даже для девочек. Мне что-то – босые ноги и сон на полу? – подсказывает, что я ничего не могу, что мое положение лучше, но ненамного.

– Я не знаю, – вдруг сказала младшая девочка, и парень наконец отпустил меня, сделал шаг в сторону и присел на корточки, протянув к ней руки.

– Иди сюда, Марибель... – пригласил он, и малышка – ей не больше десяти лет, и у нее на шее ошейник, но нет, слава всем богам, жутких шрамов! – не стала упрячиться. – Иди сюда. Мы бежим в Астри. Там, в Астри, нас никто не преследует. Никогда. Там мы все будем свободными. Поняла?

Он взял ладошки девочки в свои, а у меня защемило сердце. Мне показалось, что маленькая Марибель все прекрасно понимает и помнит, но отчего-то ей важно слышать эти слова снова и снова. Может быть, они ей дарят призрачную надежду.

Она знает, что они никогда не окажутся в Астри?..

– Если вдруг, – продолжал парень, не сводя с Марибель взгляда, – что-то случится со мной, с Лили или с Жано, ты должна добраться до Астри. Должна. Обещаешь? – И он повернулся ко мне, сверкнув глазами – куда делась нежность, с которой он только что говорил: – Ты... принеси нам что-нибудь, чтобы снять ошейник.

Я не придумала ничего лучше – или даже не потрудилась подумать.

– У вас же есть нож?

Парень – Эрме? – ухмыльнулся.

– Он не поможет. Нужно что-то более крепкое. Хотя бы... – он помрачнел. – Хотя бы снять ошейник с моей сестры. Потому что наши уже не снять, Лили! – он крикнул, хотя и прозвучало негромко, на старшую девочку, попытавшуюся возразить. – У нее больше шансов добраться до Астри!

– Больше шансов, – хохотнул Жано с нотками истерики. – Как ты наивен, Эрме. Будь честен с самим собой, шансов нет ни у кого из нас.

– Мы уже сбежали от господина Занотти, – горячо заговорил Эрме, но я перебила его:

– Я посмотрю?

От того, что будет дальше, зависит многое. Эрме окидывал меня мрачным взглядом – свеча отбрасывала тени на его лицо, и выглядел он угрожающе. Совсем молоденький паренек, если вспомнить, сколько мне лет, годится мне, в общем, во внуки, но... а сколько мне все-таки лет? Все четверо обращались со мной как девчонкой. С меня стерли лет сорок, словно салфеткой?

Не бояться, не показывать страх. Эрме неохотно кивнул.

– Я осторожно, – пообещала я, приседая перед маленькой Марибель. Я была – стала? – ниже ростом, непривычно. – Не бойся.

Видимо, ошейник на нее надели не так и давно, он был ей велик, болтался на шее, не натирал, не причинял неудобств и боли. Я подумала, что, возможно, рабам меняют ошейники, но лишь когда несчастные начинают задыхаться... Нет, разрезать его не получится. Ошейник кожаный, но – я подцепила ногтем край – между двумя слоями кожи металл, и даже если удастся чудом срезать кожаную часть, металл останется.

Я опустила руки и покачала головой.

– Знаешь, что тебе будет за то, что ты помогаешь нам? – спросил Жано. Я опять покачала головой. – Тебя выволокут на площадь и будут прилюдно пороть. Обычно порют до смерти. В Комстейне нет рабов, но между нашими королями договоренность. Тебя могут наказать.

– Пусть накажут.

Мне стало все равно. Что у меня осталось? Ничего. Я не знаю, кто я, как меня зовут, и все говорит мне, что я не рабыня, но... бесправная нищенка, и вряд ли мне самой есть где жить и что есть. Я опустила взгляд на свою юбку: грубая, обмотанная вокруг моей талии дважды, чужая, поношенная; рубаха не по размеру давно почернела, ноги... а, про мои ноги не стоит и упоминать.

Засекут до смерти, но я не в том месте, где можно о чем-то сожалеть.

– Иди, – разрешил Эрме, не глядя на меня. – Мы скоро уйдем отсюда. Как совсем стемнеет. Иди и никому не говори, что нас видела.

Я открыла и тут же закрыла рот. Я могла бы сказать, что приведу помощь, принесу немного еды, но что толку от пустых обещаний, когда мне ничего не известно? Отпускают, дают мне шанс, глупо им не воспользоваться... наверное.

– Иди, глупая девчонка! – Эрме повысил голос, а я еще порывалась что-то вымолвить, но после этих слов растеряла все мысли. Если я для него, паренька лет восемнадцати, девчонка... И я повернулась и пошла, сама не зная куда, в темноту, и длинная тяжелая юбка путалась под ногами, а в босые ступни наконец-то врезался острый камень. Я только поморщилась – почти не больно.

Вот и лестница, каменные ступени, они ведут куда-то наверх, и что там – я не знаю, конечно. Но у меня же выбора нет? Я поднималась, стараясь не споткнуться и ощущая, что мне смотрят в спину все четверо.

Мне бы радоваться, что я умерла и не умерла, что я получила возможность жить почти с начала, только вот – что за старт, что за жизнь, что за перспективы? Юная, нищая, необра-

зованная, ступаю по темному открывшемуся передо мной коридору – темному, как все это бытие...

Здесь плавали запахи – тяжелые, неприятные, но пахло едой и чем-то вроде дешевого спирта. Неплотно прикрытая дверь впереди вела в освещенное помещение. Я ощутила, что немного замерзла и голодна – явно я ем не досыта. Я шла на свет, и запахи еды мешались с новыми – уже не относящимися к еде, или как посмотреть, на какой ее стадии существования. Свежесть дождя как будто не принадлежала этому миру, а может, то был фантом, и здесь всегда так невыносимо воняло.

Я и везунчик и лузер одновременно, я баловень судьбы и ее же игрушка, я какая-то...

– Замарашка!

Я вздрогнула. Свет после подвала меня ослепил, глаза заслезились, а разум не мог сопоставить плывущую передо мной пугающую картинку и реальность, которая за ней крылась.

– Опять дрыхла, лентяйка? – вопила визгливая женщина. Я ее не видела, она не видела меня, но откуда-то знала, кто явился. – Скажу хозяйке, она тебя снова высечет! А ну, иди убирай в зале, там господин Сеж устроил не пойми что!

Я придержала за собой дверь, чтобы Эрме и остальные услышали ее крики и сообразили, что идти следом за мной не стоит. Что будет, если вниз кто-то спустится? Скорее всего, ничего, потому никто не пошел за мной специально, а больше в подвале ничего нет. Значит, и за ними никто не пойдет, но это неточно, а потому – пусть они сами решают, как быть.

Кухня была грязная, тесная, ее завалили невымытой посудой и протухшей едой, вонь висела завесой и кружили жирные мухи. Даже огрубевшими ногами я чувствовала, насколько липкий и жирный пол, не мытый годами, я шла словно по помойке босая, и по лицу, казалось, стекала гнилая воздушная мерзость.

– Наглая ленивая девка! – бушевала женщина. Она уже вышла ко мне – на вид ей было лет тридцать, но выглядела она на все пятьдесят, грубая, измотанная тяжелой работой. – А ну пошла! Пороть тебя некому! – И она замахнулась на меня деревянной плоской на длинной ручке – на пол шлепнулся мутный кусок жира. Меня затошнило, а женщина подобрала кусок, придиричиво осмотрела его и кинула в вареву. – Эдме, как тебя земля носит?

Как же я угадала – прислуга, причем самого низшего ранга. Скорее всего, сирота, вероятно, неграмотная. Меня подобрали из жалости, и это чувство, насколько я представляла себе прошлое человечества – пусть не как доктор наук, как учитель, – не было издевкой или насмешкой. Все по доброте души, я бы сдохла на улице так или иначе, если бы не повариха или хозяйка, они действительно мои благодетели... Сами забьют до смерти не сегодня, так завтра. И стоит оберегать такую жизнь?

А разве нет? Я, проходя мимо стола, на котором среди посуды истекала кровью полуразделанная туша, мимо очага, пекшего жаром, решила, что какая бы ни была эта жизнь, это – жизнь. Подаренные годы, сколько их меня ждет, неизвестно, и можно, конечно, заорать и запричитывать, вспоминая, что у меня было раньше, но разве это поможет?

Черт возьми! Я прошла насквозь кухню, заметила возле двери разбитое деревянное ведро с грязной водой и сальную тряпку, взяла их и вышла в гудящий зал. Один шаг, и из царства мух я попала в царство свиней. Здесь тоже воняло – кислятиной, потом и горелым жиром, грохоча деревянными сабо, выплясывала на столе пьяная девка, которую сдернули вниз под общий гогот.

– Эдме-е! – услышала я нетрезвый довольный крик, и подле моих ног шлепнулся тухлый помидор. – Долго же тебя не было, девка! А может, ко мне пойдешь? Чем тряпкой елозить?

Визги и хихиканье продажных девиц, разухабистые вопли, но в целом каждая компания занята была только собой, и кроме этого человека никто мое появление не заметил. Я сквозь мутное душное марево вглядывалась в довольную сальную ряху: какой-то матрос, судя

по одежде, хотя – о чем я могла судить? Его товарищи заулюлюкали, кто-то бросил в меня еще один помидор, я увернулась.

Посетители за другими столами не обращали на меня внимания, лишь вопили, призывая выпивку и не занятых еще гулящих девок. К матросам, бесцеремонно расталкивая всех, кто попадался на пути, протиснулась грудастая молодая женщина, тащившая сразу пять кружек какого-то пойла.

– А ну, Реми, убери руки! – рявкнула она. – Пролью – платить все равно будешь! – Она злобно отпнула чью-то ногу, торчашую из-под стола. – Жасу, попробуй свалить, не заплатив, я тебе задницу натяну на уши! Я вас всех насквозь вижу!

Кто-то попытался ущипнуть ее за зад, женщина развернулась и со всей силы шарахнула наглеца кружкой по голове. Естественно, все расплескалось, кислятина начала выедать мне глаза, раздался вой, а следом – крик женщины:

– Еще раз так сделаешь, засуну тебе эту кружку знаешь куда? И не смейте лапать моих девок! Мне пузатые дармоедки не нужны! Лакай, Сир, не лопни!

Она грохнула пустую кружку перед облитым матросом, вытерла руки о юбку и повернулась ко мне.

– Что встала, бестолочь? Пошла! – и выдала такую порцию отборной ругани, что при тихли даже матросы. – Или я тебя сама высеку так, что ходить до конца своих дней не сможешь, только ползать!

Я могла бы сказать, что жизнь потрепала эту несчастную, что она не была такой злобной или озлобленной, но нет. Если я что-то и уяснила, так это то, что люди не те, какими нам их хочется видеть. Ей нравились и эта публика, и это место, и что она может грубить, бить, унижать, ругаться, и все это безнаказанно – и даже за плату. Матросы за ее спиной выкладывали на стол крупные монеты – может быть, здесь хорошо по их меркам и дешево кормили? Лицо у женщины было не злым, а презрительным, самодовольным, она была в этом средоточии дерьма королевой, казнила и миловала, и как в число тех, кого она милует и казнит, попала я?

Может, мне тоже надо сбежать? С рабами, которые ищут убежище, стоит отправиться в дальний путь, и пройду я его или нет, кто знает, но, может, мне в Астри будет намного лучше?

Я под тяжелыми взглядами подобрала юбку, засемила в другой конец зала, и когда проходила мимо хозяйки, она дала мне под зад увесистого пинка. Я не удержалась, рухнула и проскользила по плевкам и объедкам, ведро я уронила, вода разлилась, и лишь тряпку я сжимала в руке как сокровище.

Те, кто видел мое падение, радостно и злобно заржали. Те, кто не видел, остались к нему равнодушны. Да, мне где угодно будет лучше, чем здесь, подумала я, поднимаясь, собирая свои нехитрые причиндалы и стараясь не встретиться ни с кем взглядом.

– Налево, Эдме! – перекрывая хохот, пьяные выкрики и попытки заорать песни, проревела хозяйка. Я повернула голову. – И чтобы было чисто!

Здесь кто-то с кем-то крепко повздорил. Один участник драки, с пробитой головой, лежал грудью на столе и не дышал. Второй был в крови, дрых кверху толстым пузом и от души храпел. Валялся он в отвратительной вонючей луже – я в отчаянии перевела взгляд на тряпку и ведро.

Я ведь хочу жить, не так ли?

Я набросила тряпку на лужу. Я ведь хочу жить, правильно? Даже если отбросить брезгливость, в этой антисанитарии я не протяну, если буду все это собирать руками. Холера – меньшее, что меня может ждать.

– Куда это ты, Эдме, пошла? – перекрыл мне дорогу молодой парень, очень похожий на хозяйку. Брат? – Вон туда иди! Дурная! – и он указал пальцем туда, где валялись один покойник и один пока что еще живой.

– Я... за водой, господин, – пискнула я как можно почтительнее. Парень сморщился и кивнул, обозвав меня безмозглой, а я толкнула тяжеленную дверь и выскочила на улицу.

Блаженство?..

Пожалуй, если сравнить с тем, что в стенах трактира. А снаружи – да, вонь. Да, крики. Висела луна – ущербный надкусанный ломтик, стыдливо прикрытый жидкими облачками. Дома в два этажа, прилепившиеся друг к другу, как пьяные нищие. Дорога, и не различить, брусчатка это или превращенная в камень глина... А если дожидаться дуновения ветерка, то можно жадно схватить губами тот самый воздух – свежий и непривычный, но увы, ветер здесь терялся среди стен и крыш, сворачивался клубком и угасал, но даже глотка мне хватило, чтобы не слишком отчаяться.

Людей почти не было, вдаль я заметила двух всадников. Они неторопливо ехали, и кони размеренно цокали подковами.

Все-таки камень под слоем дерьма.

Брат хозяйки не возражал, что я пошла за водой, значит, вода где-то здесь. Какие у меня планы? Убраться, постараться не заразиться и еще сделать так, чтобы мне дали что-нибудь из еды, тогда я, как все заснут, спущусь в подвал, разделю еду с беглецами и попрошу их взять меня с собой. И нож, мне нужен нож... и какая-нибудь обувь.

Мимо меня спешно прошла женщина. Она повернула в мою сторону голову, пробурчала что-то вроде «Эдме, не прибили ее еще», но общем я ее интересовала мало. Я хотела спросить у нее, где вода, но подумала – ни к чему лишний раз обращать на себя внимание. Я не знаю, какие у меня есть права, может быть, никаких, и мое положение поломойки в дрянном трактире – все, на что я могу рассчитывать.

А вот всадник меня окликнул.

– Эй! – крикнул он. – Ты куда, девка?

Я решила не обострять и без того шаткое положение и неуклюже сделала книксен.

– За водой, добрый господин. Хозяйка велела убираться.

– За водой, – хмыкнул он. – Ходите по ночам, а вас потом в канавах находят. Ну иди, коль жизнь не мила.

– А где вода, добрый господин?

Держат за дурочку – надо воспользоваться.

– Там, – он махнул рукой, и я, поклонившись, поспешила вверх по улице. Ломтик луны приоткрыл наготу, света стало больше. Ну и дерьмо... какое дерьмо. Везде дерьмо. Будто в подтверждение моих мыслей наверху открылось окно, и в метре передо мной шлепнулось содержимое ночного горшка.

– Эй! – вдруг услышала я. – Эй, девка, а ну стой!

Я застыла лишь на мгновение – не потому, что решила подчиниться, потому, что искала, куда рвануть. Стены, стены, двери – и запорты...

– Куда!.. А ну стой!

Я размахнулась, пульнула ведром в сторону нагоняющих меня всадников. Заржала лошадь, раздалась ругань, я задрала до живота юбку и припустила, перепрыгивая через кучи, но безумие полагать, что я смогу скрыться от конников. Если сейчас не появится какой-нибудь ход, узкий, между домами, куда мне удастся юркнуть...

Меня нагнали в два счета и сильно дернули, так, что я заорала не от испуга или от злости – от боли. Мне показалось, что руку вывернули из суставов, и даже то, что следом мне вlepили увесистую пощечину и рванули за волосы, было сущей ерундой.

– Ты смотри, и правда, – с удивлением заметил второй стражник. Сквозь слезы я рассматривала, что подъехал и первый – тот, кто со мной говорил. – Похожа. Я тебе сказал, что похожа. Ты, Лику, так и просидишь в городской страже, пока тебя кто-нибудь не пырнет в подворотне, потому что ты тупой.

Все мои мысли были только о горячей руке. Я осторожно пошевелила ей – больно, но обошлось. Возможно, эти двое уже научились людей не калечить?

– Ну, раз похожа, дай ей еще раз, чтобы не орала, и повезли? – равнодушно отозвался Лику. – Кинем к остальным, там пусть разбираются.

– Я не хочу! – завизжала я, но оплеуха была не пустой угрозой. От нового удара я не сразу вспомнила, как дышать, и с трудом разобрала сквозь звон в ушах:

– Дура-девка! Счастья своего не понимаешь!

Засунь себе свое счастье знаешь куда?..

Глава 3

Соппротивление должно быть своевременным и более продуманным, чем мнимая покорность, иначе цена ему высока. Я ничего не могла противопоставить двум здоровенным мужикам, вооруженным мечами, сидящим на лошадях, потому что ведро, мое единственное оружие, я в них уже запустила. За стражниками власть, сила, скорость и знание этого проклятого города, за мной – ничего ровным счетом. Я старалась в отчаяние не впадать, лежала, вдыхала воздух сквозь зубы, терпела боль, пыталась не поддаваться ощущению тошноты и думала.

Куда они меня тащат, в кабак – сомнительно, у меня такой вид, что даже матрос предложил свое общество больше из жалости. На органы? Исключено. Рабства здесь нет, а стражники слишком открыто декларируют мое похищение. Что тогда, на кого, как они выяснили, я похожа, и чем мне это сходство-счастье грозит?

Пока у меня нет шанса сбежать. Или есть? В этом мире существует магия? Что с магией у меня? Попробую – абра-швабра-кадабра?..

Я висела вниз головой, животом на крупе, и каждый шаг лошади отдавался режью в пустом желудке. Боль в руке постепенно уменьшалась и наконец осталась тупой и ненавязчивой. Перед глазами проплывала местами влажная после дождя, местами подсохшая глина – или не глина, а дерьмо, один раз я в свете луны различила блеск – монетка!

– Лежи тихо! – стражник несильно шлепнул меня по спине. – Голодная, небось?

– Угу, – согласилась я, но мне ничего не перепало. Зато буквально минуты через две лошади остановились, раздался стук, потом скрип открывающейся двери, и меня стащили, поставили на ноги перед заросшим бородой высоким мужиком.

– Забирай, – предложил Лику. – Не знаю кто, на улице поймали.

Мужик посмотрел на меня, наклонил голову, приподнял ручищей мой подбородок и изучил мое лицо. Я следила за его реакцией – что будет? Заберет или выкинет?

– Страшная, как вся моя жизнь, – заключил он, – тощая как тарань, грязная как свинья. Смотреть и то противно. Но вроде похожа.

– Раз похожа, то чего уставился? – рыкнул второй стражник. – Запиши: Орсен и Лику.

– А! – воскликнул мужик, но стражники уже развернулись и поехали обратно. – Как я запишу, я неграмотный. Девка, запомнила, кто тебя привез? Сейчас брата Луи сыщем, он запишет...

Брат Луи вселил в меня надежду. Монастырь – это хорошо, это просто замечательно. С оговорками, и все же – лучше в монастыре, чем за его пределами, с учетом эпохи. В монастыре точно кормят.

– Голодная? – спросил мужик, подталкивая меня к двери. – Сейчас накормим. Вымыть бы тебя еще, воняешь, но это как брат Луи скажет. Пошли, пошли. Как звать тебя? Ты что, немая?

Он остановился на пороге, а мне показалось, что моя «немота» его озадачила. Продолжать подыгрывать его догадке или открыть рот?

– Ладно, иди, пусть святой брат разбирается, – решил мужик. – Если ты не немая, то я Арман. Вон туда.

Из темного узенького коридорчика Арман вытолкнул меня в маленькую душную комнату размером чуть больше ванной в обычной квартире. Возле одной стены была деревянная лавка, покрытая тканью, возле другой – крохотный столик, и за ним сидел старенький подслеповатый монах. При виде меня он поднял голову, кивнул и выжидающе посмотрел на Армана.

– Э-э... на улице поймали, а кто поймал – запомнил, – признался тот. – Девка, кто тебя привез?

– А я не помню, – мстительно сказала я, забыв, что не решила, что делать с моей немотой.

– Гляди, святой брат, она не немая, – удивился Арман. – Тебя как звать?

– Эдме, – пожала плечами я. Это все, что мне о себе известно, дальше хоть подвешивайте на дыбу.

– Эдме... а дальше? – ласково спросил монах. – Покровительница, надо же, Эдме... –

Он развел руки, и пламя свечи подмигнуло. – Сколько лет тебе, Эдме?

Отличный вопрос. Прости, брат, понятия не имею.

– Она дурная, что ли? – нахмурился монах. – Эдме, а ну-ка, что у меня в руке?

Шарик. Монах показывал мне прозрачный синеватый каменный шарик, который сам по себе менял цвет, переливался, вспыхивал, и у меня против воли расширились глаза – я даже в прежней жизни... – прежней? Надо привыкать! – восхитилась бы подобным чудом, но монах моего восторга не оценил.

– Забирай ее, – он спрятал шарик под одежду и устало махнул рукой. – Как есть дурная. Но не на улицу же ее, она, вестимо, и дома своего не найдет. Оставь пока среди прочих, потом я ее сестре Клотильде отдам. Пусть в скорбном доме прибирается, там ей ума хватит. Только покорми ее и посмотри, во что переодеть, а то страсть такую в святую обитель вести негоже.

А для меня неплохо все складывается, подумала я, приседая перед монахом в робком книксене. Прибираться в скорбном доме, что бы это ни значило, лучше, чем делать то же самое в кабаке. Монах занялся писаниной в книге, которая перед ним лежала, а Арман развернул меня к выходу.

– Эдме, – повторил он, – ну надо же.

Что ты ко мне привязался?

В этой обители полно преимуществ: тихо, не воняет, даже наоборот – пахнет приятно и аппетитно. Во главе – или хотя бы условно во главе – вменяемый спокойный старичок, который не собирается поправлять свое положение за мой счет. Мы снова шли по узкому каменному коридорчику, и здоровяку Арману с его габаритами было тесно.

– А! Накормить тебя святой брат велел, – бормотал Арман. Он и сам не блистал умом, бедолага. – Ты голодная. Да? – Я кивнула. – Ну ладно... давай-ка сначала сюда, девка. Э-э... Эдме. Ну надо же.

Что тебе в моем имени, закрипела я зубами и вытянула шею, всматриваясь, куда он меня привел. Снова небольшое низкое помещение, темное, влажное, душное, с тремя огромными бочками...

– Лезь, – скомандовал Арман. Сам он не заходил и даже не заглядывал внутрь. – А я пришлю кого, чтобы тебе одежду дали.

Да это баня, осенило меня, и я влетела в комнатку, не дожидаясь тычка. Арман закрыл дверь и ушел, а я быстро начала раздеваться.

Все, кто встретился мне – Лили, Марибель, повариха, хозяйка трактира, разгульные девки, женщина на улице – одеты были примерно так же, как и я: грубая юбка, рубаха и что-то напоминающее не то лиф, не то жилет на шнуровке. Может, мне не передалась моторика тела Эдме, а может, эта поросюха не снимала одежду годами, и пришлось повозиться: тонкие полоски кожи на лифе почти срослись, грубыми пальцами справиться с ними не выходило. Я подошла ближе к единственному источнику света – трем свечкам на узком столике, и упрямо принялась избавляться от жилетки. Когда терпение было уже практически на исходе, самый капризный узел поддался, и я ускорила. Оттого что в монастыре не несло дерьмом и гнилью, мне стало казаться, что сама я воняю немилосердно, и сработала психосоматика – я начала чесаться вся, с ног до головы.

Нетерпение подгоняло. Пусть вода здесь не первой свежести, пусть в ней мылся с десяток таких голодранок как я, пусть в этих бочках давно завелась жизнь и с радостью набросится на меня, но хотя бы смыть с себя кабацкое дерьмо – я видела, чем Эдме приходилось заниматься. И это я еще ничего о себе не знаю...

Наконец упала к моим ногам и юбка, я сорвала с себя рубаху и изучила новое тело.

Синяки повсюду, но оставлены побоями и моей собственной неловкостью, а не насилием; кожа и кости, но это понятно; волосы спутаны, ноги... наверное, я никогда в жизни не знала обуви. Отпнув грязную одежду, я в чем мать родила подошла к бочкам и заглянула в них, оценив на глаз загаженность воды, и чем можно помыться, ведь мыла нет?..

На скамеечке, стоявшей в углу, я нашла нечто, похожее на залитую водой золоу в горшочке. Я сунула руку в бочки по очереди – вода порядком остывшая, но не настолько паршивая, как я могла ожидать. Сперва ополоснуться в самой мутной воде, потом в более чистой и после – в последней бочке, в которой, похоже, никто не до меня и не мылся, и это не самый мудрый план с точки зрения гигиены, допустим. Я подтащила к бочке с грязной водой шаткую скамеечку, осторожно поставила на бортик горшок с золой и, стараясь его не зацепить, влезла в бочку сама.

Вода оказалась холоднее, чем мне показалось, и чище, чем я подумала. Бочка пригодилась кому-то от силы пару раз. К черту брезгливость, выбор у меня существует такой: или я пытаюсь отмыться, пока есть возможность, или корчу из себя принцессу крови; приходит Арман, доносит о моих выкрутасах монаху, и тот приказывает выкинуть меня вон. Не стоит будить лихо, пока оно тихо спит и благодушно ко мне настроено.

Зола, или что это было, отлично мылилось и очень приятно пахло. Вода пошла темной пеной, я намыливала тело и волосы, окуналась, смывая с себя все, и намыливалась снова. После четырех ныряний я решила, что можно перейти ко второму этапу, и перебралась в соседнюю бочку, оставив на полу щедрые пенные лужи.

Когда я плескалась в третьей бочке, радостно выдыхая и предпочитая не думать, что я могла подхватить, пришла монашка. Я вынырнула, ойкнула, но монашка не повернула ко мне головы, сдвинула в сторону свечи, положила на столик одежду и тряпку и ушла. На еду, святая сестра, пожлобились?

Процесс омовения был похож на тот, что существовал в знакомой мне истории, но с отличиями. Не было ни простыней, в которые можно завернуться во время мытья и после, ни хоть какого обогрева помещений. Но, подумала я, выбираясь из бочки и от души прыгая среди луж, чтобы не замерзнуть, мне могло повезти куда меньше, я могла очутиться не среди горожан, а среди аристократии, которую так любили превозносить в кино и книгах, забывая, что образ жизни сильных мира этих эпох был далек от образца подражания. В то время как «средний класс» хоть сколько-то заботился о себе, дворянство деградировало с таким рвением, словно поставило это целью.

Тряпка, может, имела иное предназначение, но я кое-как замотала в нее волосы и закрутила тюрбан на голове. Одежду мне принесли очень простую – юбка, рубаха, лиф. Нижнего белья не существовало, обувь или посчитали для меня роскошью, или не нашли. Наряд был поношенный, но относительно чистый, что навело меня на скверную мысль – кто носил его до меня и почему перестал, может, умер, и если да, то от чего и насколько это заразно? Впрочем... к черту.

Конечно, все было великовато, но превосходно по сравнению с тем, что я носила до мытья. Еще не человек, уже не никчемный кусок дерьма. Жить можно. Я скинула с головы тряпку, пальцами расчесала волосы – зола сработала как салонный бальзам, колтуны распались сами собой, – заплела косу и осторожно открыла дверь.

Никого. По обе стороны коридора никого, обо мне все забыли?

Я слышала приглушенные голоса – молитвы или песнопения, и благоразумно не пошла в ту сторону, опасаясь, что случайно нарушу какой-то запрет. Я потянула носом – пахнет едой? – желудок уже резало довольно сильно, игнорировать боль не получалось. Эдме всегда так жила и радовалась, когда перепадала черствая краюха хлеба? Как часто ей вообще выпадало поесть?

Я остановилась напротив деревянной двери и постучала. Если там никого нет, пойду дальше, попрошу отвести меня к сестре Клотильде – брат Луи собирался сплавить меня именно ей.

Ответа не было, я пожала плечами, потерла, морщась, живот и, слегка скривившись, пошла дальше по коридору, как вдруг открылась дверь – не та, в которую я стучала, и меня с ног до головы окатила презрением монашка. Одежду мне приносила другая сестра, и до меня дошло, что я нахожусь в женском монастыре.

– Здравствуйте, сестра, – улыбнулась я, – я ищу сестру Клотильду. Брат Луи...

Оплеуха была не болезненной, но обидной. Человеколюбие не входило в число добродетелей местных служителей культа. Я сверкнула глазами, рука монашки дернулась, но на этот раз она сдержалась.

– Дерзкая какая, непочтительная, – прошипела она. – Обращайся ко мне «благочестивая мать» и глаза держи долу! Поняла?

Я кивнула. Похоже, лупить меня здесь будут все, кто дотянется, и при попытке бунта с моей стороны легче мне точно не станет.

– Пойдем.

Я усталилась в гладкий каменный пол монастыря и послушно пошла за монахиней. Справа открылась дверь, вышла юбка – я подняла голову, оценила мощную, как гренадер, женщину с ночным горшком в руках. При виде монахини женщина растеклась в приторной улыбке.

– Благословите, благочестивая мать!

Монашка небрежно махнула рукой в сторону женщины и посмотрела на меня. Значит, благословлять человека с горшком в руках – норма жизни, а за неуместное слово сразу по морде, приятный мир, что говорить. Взгляд монахини был такой суровый, что я попяtilась в приоткрытую дверь.

– Куда? – осадила меня благочестивая мать. – Отребью тут не место! За мной иди!

И, думала я, теперь уже глаза по сторонам открыто, на кой черт вам здесь отребье, в частности я? Меня похитили и насильно удерживают – зачем, что за сходство, о котором говорили стражники и Арман, в чем мое счастье – в борделе? Очень странно, если к борделю имеет отношение монастырь. Тогда – принесут в жертву?

– Ну, что встала? – спросила благочестивая мать и указала мне на очередную дверь. – Заходи. Тут заночуешь.

Я пожала плечами и толкнула дверь. Помещение напомнило тюремную камеру – узкие лежаки вдоль стен, четыре женщины разного возраста, но все-таки молодые. Монахиня с силой захлопнула за мной дверь – я успела отпрыгнуть и подумать, что сейчас меня опять будут бить.

– Эдме! – закричала полулежавшая на лавке девица и вскочила. – Надо же, и тебя привезли! Вот глупая, – повернулась она к остальным, – совсем скорбная. Даже меня не узнает.

– И куда ее такую? – проворчала полная женщина – а нет, кажется, не полная, просто беременная. – Зачем они скорбную-то взяли?

– Похожа, может? – заметила самая старшая, посмотрела на меня, улыбнулась – люди тут умеют улыбаться, куда катится мир! – и полезла за пазуху. – Тощая какая, голодная, наверное. Кушать хочешь? Держи, – и она протянула мне кусок хлеба.

Да, если у меня и были сомнения в собственной умственной полноценности, то сейчас они укрепились донельзя. Я с жадностью схватила краюху, как оголодавший зверек, и так же жадно, давясь, принялась отщипывать от нее куски и засовывать в рот. Хлеб был несоленый, безвкусный, но мне казался пищей богов.

– Она добрая, безропотная, – рассказывала знакомая со мной прежней девица. – Работящая. Мать ее такая же была... Эдме лет десять было, как Марлен пьяный матрос за пролитую выпивку зарезал. Ну, госпожа Трише и оставила ее у себя, – невнятно тараторила девица, но мне информации хватало. – А куда дите? Не на улицу же выкидывать, все живая душа! Госпожа

Трише ее кормила, а как Эдме подросла, сама зарабатывать стала. Она тихая, безответная, у нее то деньги, то еду отберут. Я сколько раз девкам космы трепала – мол, сироту забижаете, Покровительница благости лишит. А им что?

Женщины кивали и посматривали на меня. Я доела хлеб, и надо признать, он встал у меня комом в горле, но хотя бы перестал так сильно болеть желудок.

– Спасибо, госпожа, – произнесла я, и накормившая меня женщина засмеялась.

– Дите ведь совсем? – спросила она у моей знакомой. – Отпустят ее.

Я насторожилась.

– Да не дите, ей девятнадцать уже, – отмахнулась девица. – Но отпустят, какая из нее принцесса. Дохлая, неказистая, не поверит никто, и правда что как ребенок на вид, еще и дурочка.

– А из нас какая принцесса? – захохотала молчавшая до сих пор четвертая женщина. – Особенно из тебя, Соланж, с твоим-то пузом! А ты, Изабо, уже и забыла, как мужик-то выглядит, корова старая! Зато ты, Габи, наощупь половину королевства отличишь!

– Да-да, Этьена, мы все знаем, как ты мечтаешь надеть чужую корону, – протянула Габи так язвительно и злобно, что даже мне сделалось не по себе. – Учти, тронешь Эдме, мечтать будешь только о том, чтобы сдохнуть быстро и безболезненно. Поняла? – И она подала мне руку. – Иди сюда, Эдме, не бойся. Этьена баба умная, она меня злить не будет, правда, Этьена? Ей еще жизнь дорога.

Габи осторожно потянула меня за рукав, я подошла, и мысли мои были немного паническими. Какая принцесса? Ладно бы из меня, но Этьена права – из нас пятерых? Отребье, как верно заметила благочестивая мать, не ловят на улице, чтобы выдать за члена королевской семьи, и я машинально оглянулась на дверь.

– Ложись со мной, – грустно сказала Габи, – все равно не сбежишь. Все здесь заперто. Тебя отпустят, Эдме, не бойся. Ложись и спокойно спи.

Я села на лавку, позволила Габи уложить себя рядом с ней. Прожженная кабацкая девка обращалась со мной бережно, как с младшей сестрой, и это была не показуха, не попытка подмазаться, да и к кому? Я пристроила голову на подобии подушки, отметив, что Габи старается лечь так, чтобы мне было удобно на узком ложе.

Я не сбегу, но меня отпустят, поэтому мне нечего бояться. Если только...

– Этьена, я тебя предупредила, – громко сказала Габи. Кто-то невесело фыркнул, и Изабо потушила единственную свечу.

Глава 4

– Глупости, никто не ест людей.

– Тогда куда они все пропадают?

Я думала, что сна мне не видать, но, может, из-за того, что лежала неподвижно, боясь потревожить Габи, я заснула и спала на удивление крепко. Но я не удивилась, очнувшись черт знает где и услышав странные разговоры.

– А кто знает, куда они пропадают, Изабо? – Габи давно проснулась, я лежала на лавке одна, заботливо прикрытая то ли чьей-то юбкой, то ли куском ткани... – А тебе, Этьена, чего не сидится в Комстейне, а?

Я лежала с закрытыми глазами и упорно делала вид, что сплю. Что значит – никто не ест людей?

– Что я тут вижу? Работу с утра до ночи? – хрипло рассмеялась-простонала Этьена.

– В Астри, конечно, ты будешь на перине лежать, как госпожа, – ехидно согласилась с ней Габи, а я замерла. Астри? – Долго нас держать не будут, сегодня-завтра придут, посмотрят и вышвырнут. Соланж, ты ведь уже раз попадалась?

– Да такая же пузатая ходила, а Фелис уже пятый год идет... Они меня ищут, наверное, – вздохнула Соланж. – Рене опять меня побьет. Чего доброго, решит, что и этот ребенок нагулянный.

– Вот и выходи замуж, Этьена, особенно за чудовище! Одними побоями не отделаешься! – веселилась Габи, но особой радости в ее голосе я не слышала.

Астри, Астри... В Астри собирались бежать рабы. Если попробовать построить логическую цепочку: они подгадали время побега, они знали, что ловят девиц, чтобы отправить их в Астри – раб в Астри станет свободным, а девушек там съедят. Съест чудовище – впрочем, это как раз бабьи сказки, а еще принцесса, при чем тут принцесса, почему на нее кто-то должен быть похож?

Самое очевидное: отправить должны принцессу, но принцесс на всех чудовищ не напаешься, и поедет похожая бесправная девка с улицы, ее не жалко, если что. Если – что? Если ее съедят. Я закатила глаза под сомкнутыми веками. Годится для детской книжки. Достроим версию: рабы ждут, пока в Астри отправится караван, посольство, что угодно. С охраняемым караваном шансов добраться до цели больше, но, конечно же, не рабу.

Глупо. С моей точки зрения, кто знает, что там на самом деле.

Дверь открылась. Я приоткрыла глаз – я не видела дверной проем, но могла понаблюдать за реакцией женщин.

– Ты и ты! – гаркнула вчерашняя благочестивая мать. – Вон отсюда! А ты – собирайся, и девку подними. Она вообще живая?

На меня что-то свалилось, к счастью, не тяжелое, какие-то тряпки, и я сочла нужным дернуться.

– Что стоишь, кому ты нужна со своим брюхом? Проваливай, и ты, бесстыжая, тоже вон! А вы собирайтесь!

Благочестивая мать с таким грохотом захлопнула дверь, что притворяться спящей я уже не могла, к тому же благодетельная монашка продолжала драть глотку в комнатах по соседству.

Я приподнялась, Габи присела рядом со мной и обняла за плечи.

– Не бойся, Эдме. Я подожду тебя за стенами монастыря, – пообещала она. – Пойдем домой, госпожа Трише нас накормит. Вон ты какая стала чистенькая, – улыбнулась Габи. Я кивнула: дурочка, я дурочка. Нет, кто бы мог подумать, что идиотская максима «дурой жить легче» в кои-то веки окажется самой работающей?

– Долго вас ждать? – завопила благочестивая мать на весь коридор, и Габи поднялась. Соланж тоже, они вышли, прикрыв дверь, и мы остались втроем: я, Изабо и Этьена.

Я села на лавке. Этьена подскочила ко мне, схватила тряпки – похоже, одежда, и неплохая, угрожающе сунула мне под нос сжатый кулак. Иди к чертовой матери, дура, последнее, что я намерена делать, это воевать с тобой за тряпье. Но я недооценила Изабо: она молча подошла, выдернула у Этьены часть вещей, а как только та попыталась огрызнуться, схватила ее за волосы, сильно дернула вниз, вверх и отшвырнула визжавшую Этьену в угол комнатухи.

Кажется, меня еще мало били – в самом прямом и положительном смысле, и Габи права, надо выбираться отсюда и бежать под крылышко госпожи Трише. При всех ее отталкивающих манерах и привычке унижать каждого, кто не успел напиться до полусмерти, я там прожила девять лет, уцелела и не сдохла ни от голода, ни от побоев. «От добра добра не ищут» – еще одна дурная максима, но это на взгляд человека эпохи сытого гуманизма.

Драки не случилось – не в последнюю очередь, видимо, потому, что монашки бы не церемонились. Битая уличная девка и баба все равно сгодятся для цели, ради которой нас сюда приволокли.

– А ты что? – окрысилась на меня Этьена. – Сидишь сиднем, дурная! Так и будешь в тряпье?

– Это хорошее платье, – прохныкала я, попытавшись пустить слезу, но не вышло. Главное не переиграть. – Не отдам.

Этьена плюнула и продолжила наряжаться, я наблюдала за процедурой с интересом. Женщины разоблачились донага, друг друга не стеснясь, а я могла оценить, как выглядит одежда если не принцессы, то по крайней мере не нищенки.

Длинная белая – относительно, отдающая желтизной – рубаха, чулки, которые подвязывались под коленом; корсет, и обе женщины были вынуждены обратиться друг к другу за помощью, потому что альтернативой была только никчемная я; сверху нечто вроде короткого платья с короткими же рукавами, из-под которого торчала рубаха; длинная юбка и наконец куртка в цвет юбки.

Все лишнее летело ко мне – я механически складывала, но то Изабо, то Этьена подходили и забирали у меня рубаху или юбку. Я недоумевала, потому что на вид и по размеру все было абсолютно одинаковое, да и обе женщины становились похожи как близнецы. Потом я подумала, что мне влетит от госпожи Трише за оставленное платье, но не идти же искать его по всему монастырю?

Новую обувь нам никто не принес, из чего я заключила, что туфли стоят намного дороже одежды. Этьена и Изабо уселись в противоположных концах комнатухи и гипнотизировали одна другую колкими взглядами. Не дергают патлы друг другу, а особенно мне, и на том спасибо.

– Хоть бы поесть дали, – пробурчала Этьена. Изабо криво ухмыльнулась.

Ждали мы долго. Я затруднялась сказать, сколько времени прошло, из коридора доносились короткие команды и женские голоса, часто возмущенные, солнечный луч сперва зажегся на углу зарешеченного окна, затем переполз на стену, и за нами все же явились.

– Пошли! – приказала монашка. – А ты что сидишь? Почему не переодета?

– Она блажная, благочестивая мать, – низко склонив голову, пояснила Изабо. – Дурочка.

– Вчера-то такой дурочкой не была, – проворчала монашка, но, как мне показалось, слова Изабо ей многое прояснили. – Пошла, пошла! Натащили в обитель всякую шваль!

Она грубо толкнула меня в плечо. Я вывалилась в коридор – метрах в десяти была распахнута дверь и играло сумасшедшее солнце. Первое, что я услышала, как только ступила во внутренний двор и заморгала от яркого света, был недовольный девичий визг:

– Луиза, посмотри! Это отребье! Как они посмели выгнать уличных девок сюда, ко мне?

– Покровительница вам уши... надерет, – откликнулась уже знакомая мне женщина – та самая, которая испросила благословение с горшком в руке. – Ваша светлость, стояли бы вы тихо!

– Они заставили меня надеть вот это! – завопила девица так, что на нее стали оборачиваться. – Обноски какой-то прислуги!

– Стойте же смиренно! – одергивала служанка свою истеричную госпожу, а я обратила внимание, что и правда – мы все здесь были очень и очень похожи.

Если не всматриваться, конечно, но – да, как матрешки, мал мала меньше, одинаково одеты, смахивает на опознание, и будет здорово, если тот, кто должен среди нас узнать преступницу, не ошибется. Впрочем, чушь, в эти времена изобличали намного проще – либо под пытками, либо как повезет.

– Ваша светлость! Его высокопреосвященство! – в ужасе заорала служанка, и крикливая аристократочка замолчала. Зато я – стоя у стены, потому что меня вытолкали и сразу обо мне благополучно забыли – услышала другой любопытный разговор.

– Что тут делает маркиза де Фрели? – хохотнул стражник. – Ее отец приближен к трону.

– Ему вчера отрубили голову, Банмаро, – отозвался другой. – Слишком близко подошел, дышал в затылок, его величеству сие не понравилось. Ну, по крайней мере, никто не скажет, что его высочеству подсунули безродную девку.

Самой безродной здесь была я. Монашки выстроили женщин в ряд – маркиза де Фрели начала визжать, и я убедилась, что благочестивая мать не делает разницы между нищенкой и дворянкой: по физиономии маркизе прилетело точно так же, как и мне, я порадовалась равноправию хотя бы в этом. Монахи толпились в углу двора, стражники подпирали стены. Я оказалась предоставлена сама себе, потому что еще не настолько спятила, чтобы добровольно лезть в тот рядок из обреченных на нечто, мне не понятное.

Двадцать три... двадцать четыре женщины, я двадцать пятая, и меня, может, никто не хватится. Монахи забурили, выпустили из плена невысокого полненького дедушку в ярком красном одеянии, и он не торопясь пошел вдоль строя женщин, сопровождаемый монахами. Несмотря на celibат, сверкающие тонзурами монахи осматривали женщин весьма плотоядно.

Благочестивая мать что-то подобострастно говорила кардиналу – ведь это кардинал, подумала я. Его высокопреосвященство лениво кивал и делал руками неразборчивые пассы – их прекрасно интерпретировали монахи, выдергивали женщин из ряда и передавали монашкам. Я понадеялась, что пленниц отпускают, а не сжигают как ведьм – все может быть.

– А ты что? – раздалось над моим ухом, и я вздрогнула и подняла голову. Стражник – как я могла судить по его алой перевязи, «гвардеец кардинала» – смотрел на меня, скривив губы, и словно решал, что со мной делать.

Я раскорячилась в книксене. Требования этикета, таковы они здесь были или нет, дали мне пару секунд на обдумывание.

Мое платье отличалось от одежды остальных женщин – было гораздо проще, и стражник не мог определиться, выкинуть меня в коридор монастыря или пинком отправить в ряд. В пользу того, что мне нечего делать на смотре, говорили мой рост и то, что я никак не тянула на девицу на выданье, несмотря на мои девятнадцать лет. Я еще раз присела.

– Добрый господин, меня прислали убираться, – пискнула я, вспомнив, что мне собирался вчера поручить брат Луи.

– Ну так убирайся, – проворчал стражник. Я с готовностью дернулась в сторону темного провала двери, стражник схватил меня за шиворот и переставил обратно. – Не при его высокопреосвященстве, дурочка! – беззлобно прикрикнул он.

За спиной стражника чах кустик. Растение было обречено в любом случае, поэтому я подошла и стала обламывать прутья. Какие-то оказались совсем сухими, какие-то еще цеплялись за жизнь, и я их пощадила. Веничек вышел у меня лысоват, но для демонстрации наме-

рений хватит; когда я уже сжимала в руке штук пятнадцать прутиков, карающая длань до меня дотянулась.

– Ах вот она! – каркнула благочестивая мать, и меня вместе с прутиками проволокли за шкуру по всему дворику и воткнули на свободное место в ряду. Надо сказать, ряды поредали... не больше двенадцати женщин, и Этьена тут, а вот Изабо уже на свободе. – Стой здесь, шелудивая, да глаза держи долу, ну!

Жаль, что я не успела полностью отыграть блаженную дурочку перед его высокопреосвященством – благочестивая мать дала мне подзатыльник, чтобы не смела пялиться на кардинала. Я пыталась собрать в пересохшем рту слюну и нарочно дергалась, как в нервном тике, умышленно пару раз задела маркизу, но при кардинале орать она, к моему великому сожалению, не осмелилась.

– Вот эта, – услышала я и рассмотрела пыльную сутану. – Ее зовут Эдме, святейший отец.

– Эдме? – протянул кардинал. На шее у него висел меняющий цвет камень-шарик – такой же, только гораздо меньше, показывал мне брат Луи. – Эдмонда. И это все? А ну-ка выйди.

Проклиная все на свете, я выступила вперед. Слюна не набралась, поэтому я просто идиотски заулыбалась, зажмурившись, благо солнце светило мне прямо в глаза. Что всем не дает покоя мое имя?

– Очень похожа, святейший из святейших, – продолжал брат Луи, – но милостью Покровительницы умом слаба. Что это у тебя, Эдме?

– Веничек, – честно ответила я нарочито детским голосом. Нет, переигрываю, но и они тут не светила психиатрии.

– Веночек? – переспросил брат Луи и, сложив почтительно руки, обратился к кардиналу: – Видите, святейший отец? Но выгонять ее из стен обители немилосердно, я приказал ее к сестре Клотильде отправить. А она, глупая, сюда пришла со всеми.

Пользуясь тем, что мне после этих слов простили бы что угодно, я с гримасой покосилась на благочестивую мать. Выкуси, мол, и выведи меня с этого отбора черт поймешь чьих невест. Брат Луи опять повернулся ко мне.

– Ну иди, иди, дочерь небесная, иди, – повторял он, пока я на негнущихся ногах не покинула ряд. Кардинал и монахи пошли дальше, благочестивая мать мстительно толкнула меня в спину, и хотя первым желанием было ответно приласкать ее веником, я поборола в себе порыв и побрела, поднимая веточками клубы пыли.

Солнце поднималось в зенит, светило ярко, но не пекло – стояла поздняя весна или раннее лето. Двор был сух, даже несколько выжжен, от вчерашнего дождя и обманчивой свежести не осталось следа, смердело подсохшее дерьмо, щекотало нос и давило горло.

Моей целью была калиточка. Куда бы она ни вела, мне нужно было уйти, я хотела пить и есть, и еще... Эдме все-таки что-то пила и ела, и мне требовалось найти укромный уголок. Что-то подсказывало, что официальное положение уличной дурочки не спасет меня от порки, если я оскверню священные стены. А я могу здесь неплохо устроиться – благочестивая мать будет меня лупить, но со временем я научусь уворачиваться. Монастырь – это кров и пища, и возможность прожить еще лет сорок пять. Не мечта, разумеется, но альтернативы ведь нет.

За моей спиной древние стены содрогнулись от воплей маркизы де Фрели, и как мне ни хотелось обернуться, я сдержалась. Калиточка привела меня в маленький дворик – стены без окон, чудный садик в цвету, две скамеечки, отполированные тысячами монашеских... роб, и одна-единственная дверца, сделанная, судя по размеру, для кошки, но я пролезу, потому что присесть среди магнолий и роз – обречь себя на неизвестные испытания, которые еще непонятно, переживу ли.

Сжимая свой веничек, я протиснулась в дверцу. Пахло кислятиной и сыростью, капала вода, на усыпанном крошечном полу источала миазмы дохлая крыса. Потолки были высокими, я смогла выпрямиться. Пристроив веник на невысокую бочку, я зашла за прогнившие ящики

и с облегчением сделала то, зачем пришла. Увы, ничего, что напоминало бы туалетную бумагу, но – чувство стыда накрыло с головой – повезло, что в этот раз можно было обойтись без нее.

В том, что нижнего белья и в помине нет, есть преимущества.

Я выбралась, оправляя одежду, и замерла. Заблудиться я не могла, вот бочка, вон крыса, вон дверца, которую я предусмотрительно прикрыла, но где веничек? Не то чтобы он важнее всего, но кому он кроме меня нужен?

Сильная рука зажала мне рот, и я не успела даже крикнуть.

Глава 5

Я была готова дорого продать свою жизнь, хотя и не знала, кой черт она кому-то сдалась. Определенно мужчине, и пахло от него пряностями – местный финансовый воротила шастает по монастырям в погоне за неосторожными монашками? Если что и стоило в это время дороже золота, так это шмотки и приправы. У меня ни того, ни другого нет.

– Я тебе ничего не сделаю, только молчи, – раздался шепот, и я от неожиданности дернулась, но кивнула, и рука исчезла.

Мне хотелось задать Эрме кучу вопросов. Например, что он делает в подвале обители, откуда у него такая богатая одежда – впрочем, на последний вопрос он не станет отвечать, если у него сохранилось хоть немного здравого смысла.

– Ты прислуживаешь здесь? – быстро и приглушенно говорил Эрме. – Я заплачу тебе дукат, если ты принесешь немного еды и скажешь, когда отправится дилижанс в Астри.

А он меня не узнал, и это неплохо, но на корню отрубает мне возможность его расспросить. Ошейник на нем так и остался, пусть сейчас его скрывал пышный воротник. Эрме заметил мой взгляд, отступил на шаг, коснулся шеи и поправил кружева.

– Я тебя не выдам, – хмыкнула я. – Зачем ты забрал мой веник?

В полумраке подвала сложно рассмотреть мимику. Что-то зашуршало, в ладонь мне ткнулись прутики. Я сжала их и решила, что без дуката смогу обойтись, а вот узнать, что происходит, стоит, потому что информация намного дороже денег. В моем случае – без всяких сомнений.

– Что за дилижанс? – спросила я и, нашарив позади себя ящик, села. Подо мной что-то хрустнуло. – И – здесь склад, здесь разве нет еды?

– Это старый подвал, его давно засыпало, и все сгнило, – растерянно отозвался Эрме. – Сюда никто не ходит.

– Я здесь недавно, – невнятно перебила его я, пока он не перешел в наступление. – А дилижанс?

– Ты недавно в Комстейне?

Какой догадливый, улыбнулась я.

– Я всю жизнь прожила в деревне и приехала сюда в монастырь, – объяснила я. Эрме поверил – я физически ощутила, как он расслабился и дыхание его стало свободнее. – Зачем-то собрали женщин всех сословий.

Хорошо бы эта игра превратилась в переговоры, потому что пока она смахивает на допрос, и мне придется честно ответить, зачем я сюда залезла.

– В Астри должны отправить принцессу. Сейчас очередь Комстейна. Но никто никогда не отправляет настоящих принцесс.

– Потому что их там едят? – съязвила я. Наследниц трона не напасешься на чужое меню.

– Никто не знает, что с ними случается, – Эрме говорил так, словно это была привычная тема для разговоров – или так и есть? – Их отправляют раз в год, в два года, из разных стран, и принцессы никогда не возвращаются.

Любопытство потянуло меня за язык, поэтому я предусмотрительно прикусила его. Известно, что за договоренности между государствами и почему каждый раз жертвуют девушек, вместо того чтобы положить этому идиотизму конец, но с Эрме вряд ли кто-то делился дипломатическими тайнами, он знает то же, что и все, то есть не знает ничего, кроме сплетен.

– И тебе нужно попасть в Астри, – кивнула я. Скажет или нет про остальных? Где они, что с ними, и особенно меня беспокоила маленькая Марибель. – С этим дилижансом?

– Дилижанс всегда сопровождает стража. Без нее добраться очень сложно. С ней тоже... но это не твое дело.

Это понятно. Путь, вероятно, долог и непрост, нужна вооруженная охрана, а если стражники опознают раба – ему крышка. Не опознать мудрено, когда на рабе ошейник.

– Сколько еды тебе нужно? – спросила я. – И, может быть, нужна одежда? Пожалуй, я кое-что смогу раздобыть.

Даже в темноте я видела, с каким подозрением Эрме на меня смотрит. Сколько бы дней они уже ни скитались, все это время они шарахались от людей, голодали, подворовывали. Он кусал губы, и я знала почему – Эдме из трактира они предупредили, что ей грозит за помощь рабам, а Эдме из монастыря – нет, и воротник надежно скрывал ошейник... если не знать и не вглядываться, но все равно Эрме тревожило, что я нет-нет, да и кидаю на воротник взгляд. Я и рабов могу выдать, и себя подвести под монастырь. Забавный каламбур.

– Если сможешь достать платье, такое же, как у тебя, – наконец выдал он, – я заплачу тебе дукат.

Да, все женщины одеты одинаково...

– Ты мне один уже должен, – напомнила я иронично и внезапно поймала себя на каком-то, черт, девичьем кокетстве. Мне почти пятьдесят, мальчишка годится мне во внуки, но если проигнорировать, что мое тело и мой разум периодически конфликтуют, мы с Эрме отличная пара. Эрме и Эдме, беглый раб и оборванка, и оба живы лишь по удачному стечению обстоятельств.

Эрме сунул руку в карман и показал мне монету. Я не пошевелилась.

– Не спросишь, кто я, зачем мне в Астри, зачем одежда? – прищурился он.

– Я могу, – пожала я плечами, – но ты не ответишь, а если я буду настойчива, можешь убить. Так что лучше я заработаю дукат – два дуката, и мы разойдемся. Ты умеешь читать?

Он, может, и да, но что сказать обо мне? Откуда трактирная поломойка может знать грамоту?

Эрме открыл было рот, но я резко выставила руку вперед. Сейчас мы договоримся – и кто я, и кто он, и, возможно, тогда уже нам придется рвать друг другу глотки, потому что нет никаких причин доверять.

– Я принесу тебе сюда одежду и... – я оглянулась. – Ладно, ты умеешь считать? – Эрме кивнул. – Я... выложу камни. Сколько камней, столько дней до отъезда. Давай дукаты.

Беглым рабам деньги нужнее, чем мне, но жадность – то, чем я проще всего могу объяснить свое желание помогать. Я верну эти деньги вместе с едой и одеждой. Где, тысяча чертей, он украл этот костюм, и надо сказать, ему идет. Эрме без промедлений вложил в мою руку деньги, и я слезла с ящика.

– Здесь есть еще выход?

– Проход на двор, где собираются прихожане. Но ты выйди тем же путем, как зашла сюда.

В его голосе прозвучала угроза, и я догадалась, что там, возле второго лаза, скрываются остальные. Я их не слышала, они не слышали меня, но подвал, скорее всего, огромный. Есть где спрятаться самому и спрятать труп не в меру назойливой зарамашки. Я повернулась и, помахиная веником, пошла к выходу. Платье путалось в ногах, я сунула дукаты за пазуху, подобрала юбку, пока не споткнулась и не переломала себе и руки, и ноги, и осторожно выглянула в садик.

Никого.

Я подкралась к калитке – узнать, что со смотром невест. Итак, выбирают девушку, похожую на принцессу, и понятно, почему всех обрядили в однотипные платья. Сомнительно, чтобы дочь или племянница короля носила настолько грубые тряпки, но зато они не отвлекают тех, кто точно видел ее высочество и не раз: например, кардинала. Я, к счастью, успешно отыграла роль дурочки, и спасибо брату Луи – пощадил меня.

Во дворике остались только стражники. Девиц увели, ушли монахи, видимо, после того, как я смоталась, много времени отбор не занял, и его высокопреосвященство определился с кандидатурой. Заткнув внутренний голос, который пытался понять, что за смысл отправлять

несчастных на верную гибель, а главное почему, я, усердно размахивая веником, под насмешливыми взглядами стражников проследовала к двери в монастырь и юркнула туда.

Тишина. Даже маркиза не вопит, возможно, ее отправили домой. А Этьена? Кого из тех, кто оставался, приговорили к казни? Я вздохнула: какая разница, главное, что не меня, моя задача отыскать сестру Клотильду, постараться ей понравиться, получить распоряжения, поесть и раздобыть одежду. Обязательно, потому что Эрме просил платье, а значит, Марибель не может показаться людям без риска.

Бедный ребенок! Да все они. Дикая мир, и дело не в том, что – я почесала за ухом – грязь и вши, а в том, что есть люди как вещи.

И даже те, кто не раб, может быть фактически продан, и допустим, что на съедение. Или как жертва на алтарь – все может быть.

Впереди открылась дверь, я распознала монашескую одежду и кинулась с криком:

– Благочестивая мать! Благочестивая мать!

Монашка остановилась. Она была высокая, худая, уже пожилая, и смотрела на меня с неподдельным интересом. Я сбавила темп, подошла, помня, за что мне уже попало, уткнула взгляд в пол, руки с веником завела за спину.

– Благочестивая мать, брат Луи приказал мне найти сестру Клотильду, – учтиво протаторила я.

– Ты откуда? – спросила она озадаченно, и высохшая рука схватила меня за подбородок. Я вытерпела и умудрилась не встретиться с сестрой взглядом.

– Из деревни, – раз прошло вранье, и не стоит выдумывать новое. Еще я сообразила, как я могу разжиться платьем. – Можно мне тоже благонравно одеться, благочестивая мать? Я хочу быть как сестра. И... покушать?

Монахиня раздумывала. Я ждала. Идиотское положение – зависимость от всех, кто меня окружает, и то, кто я есть, не дает никакого повода надеяться, что это изменится. Я никто и звать никак.

– Как твое имя?

– Эдме, – вздохнула я и приготовилась к очередному удивлению, но монахиня сухо кивнула.

– Пойдем.

Я гадала, куда она меня ведет. Коридор, еще один, монастырь был старый, но на удивление чистенький – сестра Клотильда следит за тем, чтобы в святых стенах не устраивали свинарник. Монахиня остановилась перед дверью, смерила меня взглядом, пожевала губами.

– Приберешься тут. Разберешь все, а что нужно – постираешь. Потом придешь в трапезную.

Нет смысла доказывать, что я зверски голодна. К тому же в монастырях прием пищи по расписанию, и хорошо если не идет какой-нибудь пост, потому что одним хлебом сыта я не буду.

– Благочестивая мать? – с показной робостью пискнула я. – А когда уйдет дилижанс?

– Завтра утром. – Эта монахиня ничему не удивлялась – Покровительница смилостивилась надо мной и послала хоть одного человека, которому все до лампочки. – Если справишься с работой, можешь прийти посмотреть.

Почти как Золушка. Совсем здорово, если перед тем мне всю ночь не придется отделять зерна от плевел.

– Найдешь меня, – приказала сестра, – я дам тебе платье послушницы. Три года будет послушание, потом сможешь посвятить себя Покровительнице.

Она развернулась и пошла по своим делам, я прикинула перспективы. Работа – прекрасно, особенно если никто не будет меня дергать. Еда... тепло... комфорт – если где-то и есть это в избытке, то здесь, в монастыре. Мне повезло?

И я узнала, когда уйдет дилижанс. Толкнув дверь, я вспомнила свой разговор с Эрме: как-то мне надо дать понять с помощью камней, что час икс уже завтра.

В комнате – я не поверила глазам – была навалена куча одежды. Разной, но женской, и побогаче, и победнее, и я даже увидела свои обноски. Значит, сюда скинули все, что носили прибывшие на смотр девушки и женщины, и то ли монашки посчитали, что все теперь принадлежит монастырю, то ли сами женщины предпочли оставить себе чужую одежду. Да полно, за исключением маркиз и графинь здесь все носят что-то с чужого плеча.

И я опять задалась вопросом, что стало с прежними хозяйками этих платьев, например, того, что на мне надето. Какие бактерии уже ползают по мне и стремятся атаковать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.